

Сергей Челяев

39

рассказ

Чуждское

– НУ И ГДЕ этот ваш фриц?

Юшка, молодой деревенский дурачок, вынул изо рта замусоленный сухарь, протёр глаза сухонькой ладошкой и уверенно ткнул пальцем в сторону окраины поля.

– Что ж, место подходящее, – согласился Мамаев, осторожно отводя в сторону пучок высокой травы.

Сельское поле круто обрывалось стеной густых колючих кустов, лесного бурелома и оврагов. Вот только как там можно человеку скрываться – и в летнюю жару, и в зимнюю стужу почти четыре года с того дня, как фронт переломил, перешагнул наконец это проклятое поле и неудержимо покатился вперёд, на оперативный простор, на запад? Немудрено, что можно окончательно чокнуться. Недаром же фриц этот так грызёт и рвёт на куски своих бывших союзничков. А сила и ярость в его руках, видать, такова, что просто – мама, роди меня заново! В этом капитан Мамаев убедился ещё поутру собственными глазами, а он безоговорочно верил только им.

– Гляну я?

Милиционер в новенькой, плохо отглаженной, видать, только со склада форме, туго перетянутой ремнями, вздохнул и неодобрительно покачал головой.

– Не надо бы вам на это смотреть, товарищ капитан. Уж больно там...

Он не нашёл слова, лишь дёрнулся уголок его нервного, кривого рта.

Мамаев молча шагнул к двери зимовья. Милиционер несколько мгновений буравил его больным, горячим взором, после чего нехотя шагнул в сторону. Мамаев взялся за дверную ручку, чувствуя каждым пальцем тёплую, заскорузлую древесину, и привычно, как некогда перед очередной ходькой за линию, что-то проворчал себе под нос. За-

тем перешагнул усыпанный жёлтой хвоей развалившийся порог и вошёл в дом.

Внутри было почти светло. В косых лучиках солнца, пробивавшихся из развалившегося оконного проёма, тихо вальсировали безучастные пылинки, и старые замусоленные занавески, каким-то чудом оказавшиеся в этом лесном схроне, были по-домашнему трогательны и беззащитны, все, кроме одной. Той, что рваной тряпкой свисала с подоконника, как несуразная рыбацкая сеть. Занавески Мамаев запомнил и внутренне отметил: пригодятся, если что, позже, если нужно будет анализировать, раскладывать по полочкам, подтягивать детальку к детальке, сажая их на ненадёжный и колюче-сырой клей предположения.

Комната была заляпана бурыми, местами всё ещё подсыхающими, грязноватыми пятнами крови. Крови трёх людей, лежащих сейчас перед Мамаевым на чёрном от земли и гнилой хвои бревенчатом полу.

Несмотря на фронттовую закалку, Мамаев с трудом подавил первый приступ неизбежной дурноты. Всё ж таки отвык. Затем он с трудом оторвал липнувший к мёртвым телам взгляд и огляделся в поисках того, зачем он вошёл сюда, в это лесное зимовье, наполненное тревожными запахами страха и смерти.

Мамаев искал знак. Им могло быть что угодно, любая мелочь, любое ощущение, нюанс... А вокруг валялась лишь перевёрнутая мебель – сломанные табуретки, продырявленный топчан, какие-то доски. Всё, что они значили, Мамаев безошибочно прочёл ещё в первую минуту. Оставалось лишь то страшное, что лежало повсюду в комнате, разбросанное во все стороны безумной рукой человека, который был здесь и теперь ушёл.

«Сначала скрутил шею этому, в овчинной безрукавке... Потом другого, в болотных сапогах... Руку ему просто вырвал из плеча... Судя по потери крови и положению тела, "болотник" после этого оставался ещё некоторое время жив... А третьему просто вспорол живот. На нож или тесак не похоже, слишком ровные края. Чем же, интересно?»

Брызги крови были повсюду – на стенах, окнах и занавесах, дверях, даже на потолке. Кто-то здесь, в комнате, долго размахивал оторванной рукой одного из «лесных братьев», вращал над головой, быть может, даже вычерчивал какие-то знаки. Для себя, для всех, а значит, и для него, Мамаева.

Но капитан не понимал таких знаков. И он медленно, неуверенно ступая среди каких-то раскошенных глиняных черепков, рассыпанных по дощатому полу, обошёл изуродованные тела и поочерёдно осмотрел каждое мёртвое лицо.

Андрей не любил смотреть в открытые глаза трупов. В жизни и на службе ему не раз приходилось видеть эти неподвижные восковые лица, совсем ещё недавно отражавшие жизнь, мысли, чувства. А потом в одночасье превратившиеся в холодные белые зеркала, в которых уже ничего не проглядывалось, кроме торжественного удивления и покоя.

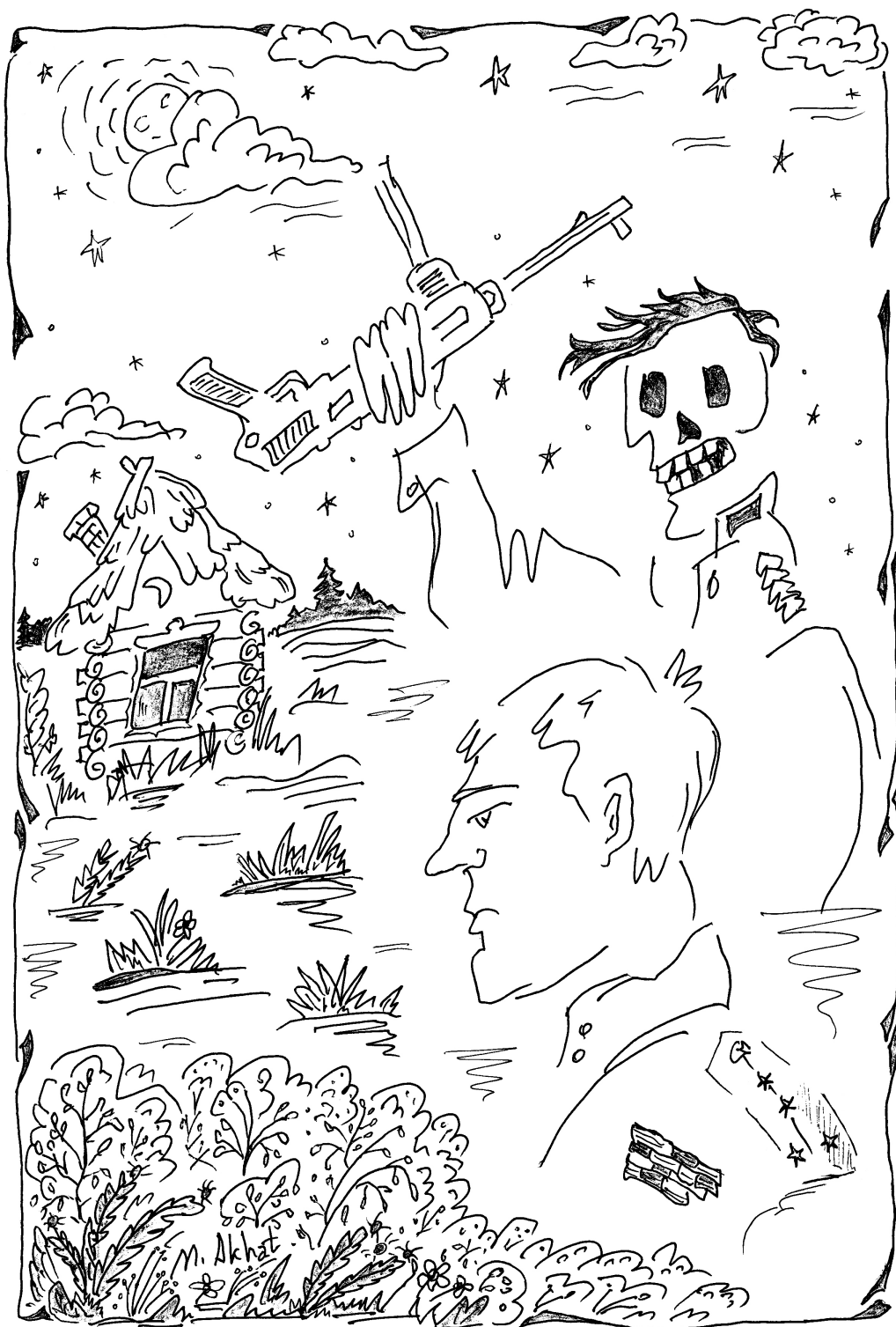
Он и в этот раз ничего не прочёл в открытых остекленевших глазах. Почему-то никто не закрыл их, хотя прошло уже столько времени, и здесь успело побывать немало, от санитаров и следователя до офицеров милиции и, наверное, жителей соседнего села, куда поначалу и держал путь Мамаев. Впрочем, подумал он, наверняка уже отдан строжайший приказ: ничего не трогать и никого не впускать. Кроме таких, как он, с соответствующими документами.

Он сделал ещё несколько шагов по комнате, чувствуя под ногами скрипучие мелкие черепки и твёрдые осколки чего-то разбитого, тоже раскошенного, уничтоженного. Затем бросил последний взгляд на мёртвых «лесных» и вышел из дома на опушку.

Во дворе стояла телега, запряжённая спокойной, понурой лошадейкой. Возле неё долговязый, усталый милиционер раскладывал на тряпиче поверх охапки соломы в телеге всякую мелочь из карманов убитых – кисеты, записные книжки, платки, химические карандаши.

– Чудское недалёко вроде?

Милиционер смерил капитана внимательным взглядом, безошибочно определил нездешнего и махнул рукой:

– Тут оно и есть. Как выйдете на опушку, сразу за полем. Справа обойти короче будет, километра полтора всего.

– А через поле напрямки нельзя, что ли? Я как балерина, по ниточке, посею вам не потравлю.

Милиционер шутки не принял, но посмотрел на Мамаева уже повнимательней.

– Вижу, вы нездешний, товарищ капитан.

– В войну тут по вашему полю несколько раз хаживал, туда-сюда. Надеюсь, не шибко истоптал вам всю рожь-пшено, – подмигнул капитан.

– Здесь с войны ничего не растёт, трава да бурьян, – ответил милиционер, не сводя с Мамаева строгих, с прищуром глаз.

– Странно. Тут уже так удобрено, в сорок четвёртом, что всё расти само собой должно, – заметил Мамаев.

– От опушки направо. Полтора километра, – медленно повторил милиционер, по-прежнему не сводя глаз с капитана.

– Ну, спасибо, товарищ, – кивнул Мамаев. – Бывай.

Он вскинул на плечо неразлучный офицерский вещмешок и бодро двинулся туда, где за деревьями виднелся просвет. Нужно было найти сельскую управу, договориться о ночлеге, а потом его ждало поле.

– Чудно тут у вас. Столько баб в селе, старики ещё крепкие, а одно поле засеять не можете, сеете на отхожих выселках. Разве ж это дело?

Мамаев закурил, как всегда пряча огонёк в кулаке – ничего не напишешь, фронтовую привычку так скоро не вытравить.

– Сеяли, а как же! – с готовностью кивнул председатель, однорукий Казимир Янович, три года партизанивший в здешних лесах, а на мину нарвавшийся в первом мирном сентябре сорок пятого. – Да только ничего не выросло, один травостой, ядри его... Веришь ли, Андрей Иванович, чего только не сажали! Даже картошку – и всё одно, хоть кол на голове теши. Пришлось выселки распаивать, целину ещё с войны.

– Чего ж не растёт? – Мамаев отхлебнул из блюдечка остывшего чая со зверобоем и душицей.

– Как чего? – искренне удивился председатель. – Так ведь чуд! Он и не даёт, злыдень. Жутко серчает в последнее время. Рвёт всех, кто к полю подойдёт. Про убитых сегодня в зимовье слышал?

Капитан крикнул, отставил в сторону блюдце.

– А можно, председатель, с этого места поподробней? Я ведь у вас тут в сорок четвёртом разведку налаживал. Позиции немцев к северо-западу лежали. Окопы в полный профиль. А через ваше поле Чудское аккуратно линия фронта, можно сказать, проходила. Вот мы за «языком» через поле и ходили – немцы не ожидали такой наглости, что пластуны по равнине лазать будут, вокруг-то холмов хватает. И оврагов тоже. Дружка у меня тут немец подстрелил, хороший был мужик.

Мамаев помолчал немного. Председатель из вежливости тоже умолк, захлопотал у самовара.

– И что же, – продолжил капитан, – хочешь сказать, кто-то у вас в лесу обосновался вражину чихвостить? Ваш, сельский, может?

– Не, – мотнул головой председатель. – Не в лесу. В поле. И не наш это. Фриц.

– Фри-и-и-иц?

Лицо капитана вытянулось от изумления.

– Ну да, фашист, – тихо пробормотал председатель. – Хотя и это ещё полбеды.

Казимир Янович опустил голову, истово, совсем не по-партизански осенил себя крестным знамением.

– Чуд он. Вервольф. Из-за него, мертвяка, земля и не родит.

И, опасливо оглядевшись по сторонам, поманил Мамаева пальцем.

Мертвяк появился на Чудском поле весной сорок шестого. Едва в селе отметили годовщину славного Дня Победы над фашистской Германией, скромно и по-бабы горько, как на третий день, но-

чью в поле деревенский дурачок Юшка заприметил форменное чудище. Человек, обличьем более схожий с полуразложившимся мертвецом, в германской форме с нашивками, изношенной в лохмотья, бродил в тумане прямо по зеленоющим всходам. Юшка косноязычно божился, что мертвяк волочил за собой на ремне короткий немецкий автомат, но тут уж ему никто не поверил. Виданное ли дело, чтобы с сорок четвёртого, когда здесь шли самые тяжёлые бои, один немец схоронился, уцелел, выжил, а теперь ещё и вылез из своего логова бродить по полю у всех сельчан на виду?!

Дело, впрочем, оказалось виданным: за следующих три дня мертвяка-чуда видели ещё три бабы, старик Сазонов и стайка вездесущих мальчишек, отправившихся разыскать и забросать камнями логова «вервольфа». Видели и после, правда, без автомата и издали — при малейшем приближении людей чуд исчезал, точно сквозь землю проваливался. Ничего не дал и приезд милиционерского наряда, хотя собака-ищейка след поначалу взяла, да только никуда он не привёл — растаял чуд в воздухе прямо посередь поля.

Беда пришла потом. Полевые всходы быстро увяли, а вместо них выросла высокая трава, которая глушила весь полезный посев, и скоту пришлось не по вкусу, даром, что была сочная и обильная, а после косьбы и прополки разрасталась вновь ещё гуще. Весь год жители Чудского бились над своим полем, но и второй не принёс добра — поле не подавалось, щетинилось стоячей мясистой травой и не принимало в себя ни хлебного зерна, ни корнеплодов. Над Чудским полем тяготело какое-то проклятье, а чуда-мертвяка селяне сочли главным виновником своих невзгод от куда свалившихся на них бед. Но сколько ни караулили злобного горевестника, ни шерстили окрестные чащобы и норы под буреломами, мертвяк всякий раз точно сквозь землю проваливался. А ночами появлялся снова, одиноко и потерянно бродил в высокой, злой траве.

Если чудских мертвяк особо не трогал, то всех пришлецов гонял с поля,

особо невзлюбив засевавших в окрестных лесах недобитых врагов и беглых полицаев. Видать, в полуразвалившейся черепушке чуда остатки гнилых мозгов окончательно пошли набекрень, потому что загадочный «фриц» жестоко и беспощадно расправлялся с бывшими союзниками вермахта.

Отныне Чудское поле вся округа по негласному уговору обходила за версту стороной, сеяли на выселках, и только «лесные» ещё продолжали тревожить inferнального «фрица». Но после сегодняшней кровавой бани в лесном зимовье они, должно быть, тоже оставят чуда в покое.

— А власти? — озадаченно поинтересовался Мамаев.

— Власти тут на любой вопрос как-то половинчато смотрят, — пожал плечами председатель. — А чуд, видать, не на их половинке. Вот они его нам и оставили. Сами, мол, и разбирайтесь.

Мамаев слушал председателя и всё больше хмурился. Ничего подобного он не ожидал найти на Чудском поле все эти четыре года, пока отстраивал в разрушенном Берлине городское метро, вспоминая секреты своей первой, инженерной профессии. На этом поле тогдашний лейтенант полковой разведки Андрей Мамаев и рядовой Генка Воронин, воротившись после очередной ходки за «языком», где потеряли двоих из пятёрки, дали друг другу клятву непременно встретиться тут, в Чудском, через год после дня Победы, когда бы он ни был. Встретиться и выпить все свои наркомовские...

— Посидим, повечеряем. Помянём Сашку с Курбаном и всех наших, а там хоть трава не расти, — мрачно басил Воронин. — Небось, к тому времени водяры-то по бочонку дадут, в честь победы над немцем-то.

— Ну ты и скажешь, Воронин! — качал головой Мамаев. — Мама, роди меня заново... После победы мы с тобой не водяру — шампанского выпьем, коньяку опять же.

— Ага, — басил Воронин, — можно и коньяки-маньяки, мать их за ногу. А там — хоть трава не расти.

Такая уж у него была присказка, про траву. А Мамаев сызмальства приговаривал: мама, роди меня заново! Оттого и фамилию получил в детском доме, из-за этой «мамы», которую отродясь в глаза не видел.

И теперь, спустя четыре года после их памятной клятвы друг другу, капитан Андрей Мамаев выговорил у начальства отпуск аккурат к победным майским дням. Конечно, как человек трезвый и рассудительный, он и не мечтал повстречать здесь Воронина. В их последнюю с Генкой ходку, всё на том злополучном Чудском поле, спустя шесть дней после их памятного разговора, на своих плечах вытащил Андрей с той стороны Воронина, попавшего под очередь «шмайссера», хоть и на излёте. А когда выходили уже к нашим, достала и Мамаева шальная пуля.

Воронин сразу помирать собрался, видать, худо ему было. Очень он боялся, что похоронят его наши заодно с немчурой – в эту ходку они в немецком пошли, офицер был нужен, не с передовой. И как снова стрелять стали, с обеих сторон, Генка с себя фрицевское обмундирование начал рвать как безумный. Это было последним, что видел лейтенант Мамаев. Потерял сознание от кровопотери, а очнулся уже в госпитале.

– Там, в воронке Воронин остался, – первым делом прошептал он, придя в себя. И увидел перед собой, близко-близко, недоумевающее лицо медсестры.

Ни о Воронине, ни о других однополчанах Мамаев ничего разузнать не сумел – фронт наконец-то сдвинулся с мёртвой точки и быстро покатился на запад, через Чудское поле и сотни других наших полей неудержимой железной лавиной.

Прочие попытки отыскать Генку, когда Андрей уже вернулся в строй, тоже не дали результата. Да и не до розысков было тогда – нужно было скорее добывать фашистского зверя в его собственной берлоге.

Про эту самую берлогу Мамаев потом не раз вспоминал в тёмных и мрачных галереях затопленного и полуразру-

шенного берлинского метро. Разведчики в германской столице были уже не так нужны, а голова у Мамаева по части подземных работ всегда была светлая. Так и вышло, что вернулся Андрей, уже в чине капитана, в Чудское лишь через четыре года. Хотелось ему ещё раз побывать на том поле, каждый метр которого, ему казалось, он прошлифовал собственным брюхом. А тут – такое...

– Выпить в селе найдётся? Водки там, самогону?

– Водки нет. А без самогону как на селе жить? – понимающе кивнул председатель. – Я тебя на постой к Лариске определил, на фатеру, и предупредил уже. Она баба справная, у ней много чего найдётся.

Разве что не подмигнул, старый чёрт однорукий!

– Постой – это хорошо, – медленно проговорил Мамаев. – Но я сегодня в поле заночую. Бутыль мне потребуется и одеяло. Организуешь?

– Ага, – сокрушённо кивнул Казимир Янович. – Тогда уж и домовину с собой прихвати, сразу в неё и ляжешь, на поле-то. Ты что это, паря, удумал? Жить надоело? Чуд тебя на куски разорвёт, как давеча «лесных» в зимовейке.

– Ну да, – пробормотал капитан, – скорее, мама родит меня заново. А в селе кто знает наверняка, где ваш фриц обычно хоронится?

– Если б знали... – развёл руками председатель. – Ладно, ты, гляжу, упрямец. Сведу тебя с одним человеком.

– Он знает? – оживился капитан.

– Он вообще ничего не знает. – Губы старика на миг плотно сжались. – Зато чувствует хорошо. А в поле, мил человек, это – первейшее дело. Когда завечерять-то думаешь?

Остаток дня Мамаев так и просидел у окна, уперев локти и подбородок. Над селом тихо шумели дымно зеленеющие ветви клёнов и тополей, пахло свежестью и занимавшейся по оврагам черёмухой. Капитан думал, вспоминал, иногда задрёмывал, вновь просыпался и тогда пил тёплый хлебный квас из кувшина на столе. Ближе к ночи у него стало сохнуть во рту, появился горьковатый

металлический привкус, в голове шумело, как после памятной контузии тут, на Чудском поле. Впрочем, бывало и хуже.

Юшка, молодой деревенский дурачок с неизменным сухарём во рту, привёл Мамаева на самую окраину поля, когда уже порядком стемнело. При этом дурачок не побоялся идти полем; похоже, он вообще ничего не боялся. На расспросы капитана всё больше мычал или странно похохатывал. Однако когда Мамаев спросил, что Юшке более всего в мертвяке запомнилось, дурачок призадумался. Надул щёки, смешно, по-собачьи поводя головой из стороны в сторону. А затем неожиданно протянул руку с длиннющими жёлтыми ногтями и ущипнул капитана прямо за нагрудный карман гимнастёрки.

– Эй-эй, полегче, дурень.

Капитан ухватил его руку, сжал так, что дурачок взвизгнул. А потом плаксиво заговорил, поминутно хватаясь за сердце и лопоча всё быстрее, совсем уж невнятно. Под конец Юшка дёрнул себя за рубаху так, что заскорузлая ткань затрещала. И показал пальцем за плечо, в сторону опушки.

– Оторвал что-то? От себя прям?

В ответ Юшка ткнул его пальцем в железную форменную пуговицу на груди, больно...

Значит, пуговица. Или карман. Или просто клоч одежды. А смысл?

В дальних кустах что-то треснуло.

При всей глупости сельских сказок капитан вздрогнул, рука машинально потянулась к ремню, к отсутствующей кобуре. Было тихо, но отпустило его не сразу. Чтобы привести в порядок мысли, Мамаев разложил в траве одеяло, уселся удобней с бутылкой первача в ногах. Запрокинул голову. Майские звёзды уже высыпали на небе, посверкивали крупной солью над головой, холодно, но почему-то уютно. Юшка стоял рядом, всматривался в кусты, тихо побулькивал о чём-то своём. Время текло незаметно, неслышно, как песок сквозь пальцы.

Кажется, он задремал. За спиной негромко кашлянули. Мамаев осторожно скосил глаз – Юшки рядом не было. Зато позади кто-то стоял.

Видать, неслышно подобрался, куда он давил на массу. Эх, мама, роди меня заново, совсем ты раскис, капитан, на мирных харчах!

– Андрей...

Словно электрическая искра пробежала по его спине, кольнула шею. Мамаев не знал этого голоса – тихого, шелестящего, словно говорящий едва двигал губами.

– Я...

Он попробовал повернуть голову, но за спиной что-то громко и предупреждающе фыркнуло, зашипело, сипло закашлялось.

– Не оборачивайся.

– Хорошо, – кивнул он. – Как скажешь.

– Ты узнал меня? – спросил всё тот же голос, шепелявый и надтреснутый.

Лишь теперь Мамаев понял, что он напоминал. Записанный на старую пластинку голос кого-то из его знакомых. Изменённый почти до неузнаваемости царапинами, острой до боли иглой и бесстрастностью. Ни одной живой нотки. И всё же теперь в голосе появилось что-то смутно знакомое.

Капитан неопределённо пожал плечами. Если бы увидеть лицо говорившего хоть краешком глаза...

– Может быть, – уклончиво ответил он. – Если увижу, точно вспомню. У меня, знаешь ли, память на лица хорошая. Фотографическая, можно сказать.

– Только не на моё, – ответила ночь за спиной.

– Может, попробуем? – предложил капитан.

– Лучше не надо, – вздохнула ночь.

– Мы ж не кисейные барышни, – двинул желваками Мамаев. И медленно повернул голову.

За годы войны у капитана-разведчика неплохо развилось ночное зрение, да и глаза уже успели порядком привыкнуть ко тьме, благо майские звёзды яркие, а сбоку, над полем белым шаром таранилась луна в полной фазе. Но при виде того, что стояло сейчас рядом, Мамаев впервые пожалел об остроте своего взгляда. Перед ним стоял мертвец.

Андрей не раз видел мёртвых. В том числе и на разных стадиях разложения. Этот был порядка уже двух недель, что капитан определил по грязно-зеленоватой коже, видимой даже в ночном поле. Однако запах от него исходил, как от трёх-четырёхдневного покойника, сладковато-затхлый. Похоже, у него ещё не прекратилась и потеря жидкости – лицо с чёрными дырами провалившихся глаз неприятно блестело, а со щёк и шеи свешивались голые, влажные струпья неестественно ярко-красного и синего цветов. Как на грех луна ещё ярче осветила поле, точно помогая капитану лучше разглядеть пришлеца.

Ошибиться тут невозможно: человек, стоявший перед Мамаевым, не мог быть живым уже с десяток дней, следовательно, не мог стоять вертикально и тем более переступать ногами, пусть неуклюже и словно бы механически. Ноги его, терявшиеся в траве, во тьме казались бесформенными и расплывшимися. Точно мертвец вырастал из земли, из самого поля.

Тело человека было одето в разорванное, торчащее клочьями немецкое полевое обмундирование. И ещё одна деталь, которая сразу бросилась Мамаеву в глаза: на груди мертвеца был вырван и свисал большой клочок ткани. Словно человек когда-то, ещё при жизни, пытался вырвать себе сердце.

– Ты... не узнаёшь меня?

Капитан помедлил, глядя в чёрные дыры. Облизнул пересохшие губы. И отрицательно покачал головой.

– Я... Гена. Меня... убили.

– Как ты здесь оказался? Извини, Воронин, но как бы тебе это сказать... Ты ж, по всему виду, побывал в какой-то переделке. Выглядишь и впрямь как... мертвец из могилы. Прости уж.

– Я не знаю, – тихо проговорил мертвец. – Но в могиле я уже был.

– Ты? Был в могиле?

Мамаев от изумления едва не разинул рот.

– Да. Тогда, в сорок четвёртом... Но я больше не живу. Мне так кажется.

Воронин кивнул, так что отвратительные струпья, свисавшие с остатков

его лица, заколыхались как осклизлые, тающие сосульки.

– Нет, нет, погоди. Ты выбрался из могилы? Значит, ты всё-таки жив?

Эта мысль показалась мертвецу новой и соблазнительной. Он замер, чуть прислушиваясь к собственному телу, словно надеялся услышать внутри слабый стук давно истлевшего сердца. Но тут же разочарованно покачал головой, заставив капитана против воли отвести взгляд.

– Знаю, у меня... неприглядный вид, – заметил бывший разведчик. – Но таким я стал не сразу. Когда я вылез из могилы, я был ещё вполне... целым.

– А как, как ты вообще попал туда?

Мамаев почувствовал, что у него голова начинает идти кругом. Всё это было слишком невероятно, и всё-таки это сейчас происходило именно с ним, здесь, на Чудском поле.

Воронин помолчал, вновь переступил несколько раз с ноги на ногу. И даже эти движения были совершенно не человеческими.

– Когда меня подстрелили, сразу начал задыхаться. Не хватало воздуха, не мог вздохнуть. Я понял, что сейчас умру, и страшно... перепугался, – сказал мертвец.

– Ещё бы, – проворчал Мамаев. – Я бы тоже на твоём месте...

Он вовремя прикусил язык.

– Не то ты подумал, – прошелестел мертвец. – Не смерть страшна. Страшно с немцами похоронену быть, с фашистами этими.

– А почему – с немцами? – не понял Андрей.

– Мы же в немецком тогда пошли. За офицером, – вздохнул Воронин. – Когда ты меня вынес, тебя тоже зацепило. Гляжу, ты глаза закатываешь, меня уже не слышишь. Ну, думаю, окочурюсь сейчас, и «похоронцы» меня с фрицами в одну кучу свалят. И давай скорей немчурскую одёжку с себя стягивать. Но сил уже... не хватало. Только и успел, что ихнюю железяку оторвать.

– Какую железяку, Гена?

Он впервые назвал пришлеца по имени, и голос разведчика потеплел.

– Железный крест вот тут... Второго класса, солдатский...

Он ткнул себя в сердце, туда, откуда свисал оторванный клочок нагрудного кармана – теперь Мамаев сумел его рассмотреть.

– Ты сорвал с себя этот крест? Перед смертью?

Воронин молча кивнул.

– Ага. Погоди-ка, дай подумать.

Мамаев некоторое время размышлял, вспоминая мельчайшие подробности той последней ночи перед наступлением. Затем вскочил – в ногах правды нет – сделал несколько шагов по жёсткой, пружинящей траве. И обернулся.

– Слушай, Воронин, ты же вроде как крещёный? И крестик носил, так?

– Был... – прошептал мертвец.

– А в ходки ты его, кажись, оставлял с документами и медалью?

– Только когда... в немецком ходили. По инструкции...

– Гм... А ты точно знаешь, что ты умер... тогда?

Более идиотского вопроса трудно было представить себе, но Мамаеву сейчас было не до значения слов.

– Посмотри на меня, – просто сказал Воронин. – Разве живые... такие?

– Нет, – ответил капитан.

И в этот миг внутри Мамаева что-то сломалось. Так гнётся и неожиданно ломается некогда гибкий зелёный прутик под порывом лёгкого ветерка, в котором вдруг прояснилась, отозвалась древняя сила ледяного, студёного севера, спокойная и необоримая в своём холоде, равнодушии и неизбежности.

– Нет, – твёрдо повторил он, и это было честно. – Похоже, ты и впрямь мёртв, Воронин.

Оба помолчали немного, но каждый о своём.

От луны в поле невесть откуда пролегли тени, поодаль шевелилась трава при полном безветрии, но капитан смотрел только на бывшего товарища. Смотрел – и четыре минувших года таяли в нём как давняя, острая и колкая льдинка. Перед ним стоял прежний Воронин, только... запаршивевший немного. Ничего, в дальних ходах это обычное

дело. Помочь ему надо в другом... Это прежде всего. Узнать правду. Правду о нём, Воронине. Всё остальное – потом.

– Выходит, перед смертью – уж коль тебя и впрямь убили! – ты сорвал с себя этот... крест?

– Германский, – напомнил мертвец. – Второго класса...

– Неважно, – упрямо мотнул головой Мамаев. – Для крещёного это не имеет значения. Мне в детдоме один пацан рассказывал. Немецкий – он тоже крест. А ты его... сорвал.

– Немецкий, – упрямо повторил Воронин. – У них по-другому.

– Это на земле, небось, у всех по-разному. А там...

Мамаев глянул на звёзды, тихо искрившие в чёрном небе с тёмно-фиолетовыми разводами туч.

– Думаю, там всё одно.

– Не моего ума это дело, – покачал головой мертвец. И на сей раз капитан не отвёл глаз.

– Потому-то ты и не ушёл, как все, – осенило Мамаева. – Как Сашка. Как Курбан... Петрович... Кацо... Стёпка... Файзу... Они ушли, а ты остался. Нельзя было его срывать, наверное. Тебе, крещёному-то...

Воронин опустил лохматую, уродливую голову.

– Но и не срывать тоже нельзя, – покачал головой Андрей. – Не тот это грех, что тебя на земле держит. А кто тогда?

Мертвец шмыгнул носом – громко, страшно, с хлопотанием и пузырями из треснувшей тонкой шеи.

– Ты, Андрей...

Мамаев непонимающе посмотрел на друга – всё-таки друзья бывшими не бывают. А в разведке – в особенности. Несмотря ни на что.

– Что ты сейчас сказал?

– Ты меня тут... держишь... – еле слышно прошептал мертвец.

– Ты рехнулся, что ли, дурак облезлый? – в сердцах бросил Мамаев. – Тоже мне, мама, роди меня заново!..

И прибавил крепкое разведчицкое словцо.

– Нешто уговор не помнишь? – ответил Воронин. – Обещал, что встретим-

ся через год... после Победы. А сам не пришёл.

Он медленно опустился на траву у ног капитана. словно сложился хрупкий картонный домик.

— А я вот, значит, до сих пор ждал. Что придёшь. Выпьем за Победу. Помянем всех. А там...

Мамаев потрясённо смотрел на мертвеца.

— ... хоть трава не расти, — пробормотал он. — Так ведь тобою было сказано, да? Ты понимаешь, Воронин? Понимаешь, в чём дело?!

В чёрном небесном пологе что-то сверкнуло. Будто одна из звёздочек вспыхнула в последний раз, чтобы тихо покатиться с небосклона вниз, к земле. И тогда мертвец заговорил.

Выкопавшись из земли, он не чувствовал более её под собой. Позади осталась братская могила наваленных в беспорядке безымянных немцев в такой же форме, как у него. Впереди было лишь поле. Поле его призрачного существования, скитаться по которому отныне он был обречён, покуда не свершится Сказанное.

Люди отныне стали для Воронина все на одно лицо, и он пугался их, сторонясь и хоронясь в лесном логое, что лежит сразу за полем. Не боялся лишь тех, что были одеты в ненавистную ему немецкую форму либо проходили полем с чужим оружием в руках. Их Воронин прогонял либо своим видом, либо силой, неведь откуда возникавшей в такие минуты в его руках. Они его почти не боялись, стреляли в ответ, но Воронина больше не брали пули, и он следовал за ними с удивительной быстротой и сноровкой, сохранённой телом ещё в той, прежней жизни. Последних злыдней он выследил минувшей ночью, вошёл в избушку, где они спали, и порешил, как мог. Как ему велела его сила, утекшая из тела всё быстрее с каждым днём.

Когда он стал ходить по полю, вслед за ним вдруг стала расти трава — обильная, высокая, сочная, глушившая всё прочее на пашне. Иногда Воронин видел её медно-красной, прораставшей из сотен пробитых сердец, алевших

в поле как странные, невиданные им прежде земляные цветы-маки. Зимой траву заметал снег, и поле представляло перед Ворониным, не оставлявшим на нём следов, сотнями бугорков и холмиков. Для развлечения Воронин порой чертил на снегу разные знаки и буквы, но вместо них всякий раз получались лишь причудливые, кроваво-красные узоры, которые быстро заметала позёмка. Приходила новая весна, трава снова лезла из земли как бешеная, и с приходом майских дней Воронин всё чаще ночевал в поле. Просто сидел в траве и смотрел в небо, словно хотел заменить его непостижимой глубиной собственную пустоту внутри уродливо-го, опостылевшего тела.

Так продолжалось долгих четыре года, пока Воронин не увидел в поле знакомую фигуру человека, которого ждал. Тогда он выбрался из своего потайного логова, норы под грудой бурелома, собрал все оставшиеся после ночного боя силы и пошёл напрямик к нему.

— Выпьешь?

— Не знаю. Боюсь чего-то, товарищ капитан.

— Не бойсь, самое страшное, боец, уже позади. Двум смертям, знаешь ли, не бывать.

— А двум жизням?

— Обязательно, — уверенно произнёс Мамаев, наливая самогона в стакан. Хватит и одного на двоих, не велика беда. — Я ж не зря всю жизнь твержу, ещё с детства: мама, роди меня заново! Думаю, непременно родишься ты, Воронин, заново, и теперь уж у какой-нибудь крали. Будешь её ублажать каждый день да отсыпаться после войны — кр-р-расота, чего ещё разведчику надо?! А родишься ты непременно, попомни мои слова, Воронин. Ведь для чего-то тебя всё-таки оставили на земле пока что, пусть и в таком, прямо скажу, затрапезном виде?

Мертвец смущённо заулыбался, и капитан вновь не отвёл глаз при виде страшного, безгубого рта с остатками коричневых, изрядно позеленевших зубов.

— И впрямь, выпить, что ли...

— Конечно. Для того, может, все эти

годы ты и копил тут небо, старый чертяга, воронин сын, чтобы со мной наших дорогих товарищей нынче помянуть, — одобрительно произнёс Мамаев. — А там, как ты говоришь, хоть трава не расти!

Он протянул ему полный до краёв, единственный стакан и нарочито строгим тоном предупредил:

— Не чокайся!

В глазу его предательски защипало, чего не случалось с ним уже давно.

— Ну, за вас, ребята, — пробормотал Воронин. Помолчал немного и опрокинул в коричневый, развалившийся рот хлебное зелье. — Теперь вы, товарищ капитан.

Мамаев принял от него стакан, и в следующий миг Воронин вдруг оплыл, задымился, голова с плечами провалилась внутрь туловища, и его тело стало стремительно таять, прямо на глазах капитана превращаясь в отвратительную бурую кашу с клочьями гнилых тряпок. С минуту она пузырилась, булькала, издавая отвратительное, почти непереносимое зловоние, — смерть всегда неприглядна, и на дух её переносить нелегко! — а потом впиталась в землю без остатка. Лишь на травяных стебельках, у самых корней ещё темнели несколько капелек слишком знакомого Воронину цвета.

Капитан перевёл дух, посидел немного, затем наполнил стакан, прошептал что-то беззвучно и опрокинул самогон в давно пересохшую глотку. Потом трясущимися, непослушными пальцами расстегнул пуговицы на воротнике, рванул и стянул с шеи тонкую цепочку.

— Некрещёный я, Генка, — тихо сказал он. — А крестик на цепке с детдома стал носить из озорства. Думаю, тебе нынче он нужней будет.

Протянул ладонь и осторожно опустил в траву, меж корней, поблёскивавших бордовыми капельками крови, серебряный крестик на тонкой простой цепочке.

— Прощай, товарищ Воронов. Прости, что заставил столько ждать. Сам понимаешь, служба. Эх, мама...

Капитан встал, свернул одеяло — вернуть надо, хозяйское как-никак! Подхватил початую бутылку и зашагал, не оглядываясь, прочь с поля. Из-под его ног мало-помалу начал струиться дым с осенними запахами тленья. Это горела трава. Горела и тлела, уходя корнями обратно в землю, уступая место новым, правильным всходам будущего урожая.

Спустя два часа, когда над селом Чудским рассвело, капитан Мамаев твёрдой, пружинистой походкой уже шагнул по лесной тропинке к ближайшему районному центру, возле Куликова озера, издавна богатого болотной дичью. Оттуда, из райцентра, ходил старенький рейсовый автобус.

Солнце играло меж стволов, стремительно перебегало полянки, весело сверкало в узких лощинах, поросших густым бересклетом. Изредка из высоких крон проливался острый поток света, и вновь наезжала тень. Мамаев шагнул, щурясь от ярких, не злых лучиков, норивших неожиданно выскочить из-за рыжих чешуйчатых стволов и озорно, прямой наводкой, лизнуть его в лицо.

Завидев вдали блистающий на солнце купол местной церквушки, капитан остановился и вдруг чисто машинально, неожиданно для самого себя, поднял руку перекреститься. С минуту он с удивлением разглядывал собственную ладонь, каждый палец, точно видел их впервые. Затем поднял глаза на такое близкое и одновременно далёкое сияние, вздохнул и быстро, по-военному козырнул светлomu куполу.

Потом криво усмехнулся себе самому, одёрнул гимнастёрку и вновь зашагал по тропинке, сворачивающей в тёмную лесную чащу. Но солнце последовало за ним, и дальше они шли уже вместе.

